

АОМАМЭ

Самый скучный город на свете

Сезон дождей еще не закончился, но небо уже голубело, и солнце щедро припекало землю. Тени от пышных ив мерно колыхались на тротуаре.

Тамару встретил Аомамэ у ворот. В темном летнем костюме и рубашке с галстуком. Без единой капельки пота на лице. Как такие верзилы умудряются не потеть в столь дикую жару, всегда оставалось для Аомамэ загадкой.

Завидев ее, Тамару коротко кивнул и буркнул что-то неразборчивое. Легкой беседы, какая обычно между ними завязывалась, на этот раз не последовало. Тамару прошагал по длинному коридору, не оглядываясь, — до самой двери в гостиную, где их ожидала хозяйка. Похоже, сегодня ему не хотелось общаться вообще ни с кем. Наверное, из-за смерти овчарки, подумала Аомамэ. Хоть он и сказал ей по телефону, что собаке замену найти не сложно, свои подлинные чувства он просто скрывает. С этой псиной он прожил несколько лет душа в душу. И ее внезапную, необъяснимую гибель наверняка воспринял как трагедию, а то и как личный вызов.

Отворив дверь, Тамару пропустил гостью вперед, а сам застыл в проходе, ожидая указаний хозяйки.

— Напитков пока не нужно, — сказала та.

Мужчина кивнул и, закрыв за собою дверь, оставил женщин наедине. На столике сбоку от кресла хозяйки громоздился круглый аквариум с двумя рыбками. Самые обычные, золотыми и банальной морской травой. Ничего удивительного, вот только... В этой просторной гостиной Аомамэ появлялась уже много раз, но рыбок видела здесь впервые. Тихонько работал кондиционер: по коже то и дело гулял едва ощутимый ветерок. За спиной хозяйки стояла ваза с тремя белоснежными лилиями. Большие, призывно распахнутые цветы напоминали диковинных существ из другого мира, замерших в медитации*.

Слабым взмахом руки хозяйка пригласила девушку сесть. Аомамэ подошла и опустилась на диван напротив. Кружевная занавеска на окне, выходявшем в сад, почти не спасала от летнего солнца. В его ярких лучах хозяйка выглядела неожиданно усталой и разбитой. Безвольно подпирая щеку узенькой ладонью, старушка утопала в огромном кресле. Глаза ее ввалились, морщин на шее стало чуть ли не вдвое больше. Уголки бледных губ и кончики длинных бровей, словно устав бороться с земным притяжением, сползли вниз до предела. Возможно, от замедленного тока крови кожа на ее лице и руках словно покрылась белой пылью. Казалось, будто с прошлого визита Аомамэ хозяйка состарилась лет на пять или шесть. И теперь у нее больше не было сил скрывать свою усталость от кого бы то ни было. Что и поражало сильнее всего. Обычно — по крайней мере, перед Аомамэ — старушка включала всю силу воли, чтобы выглядеть бодрой и под-

* Лилия (*юри*) в Японии обычно символизирует любую близость между женщинами — как сексуальную, так и просто романтическую. (Здесь и далее прим. переводчика.)

тянутой. И стоит отметить, до сих пор это ей удавалось практически на все сто.

Но теперь в этом доме многое изменилось, заметила Аомамэ. Даже свет в гостиной окрасился в другие тона. Не говоря уже о том, что рыбки в аквариуме крайне плохо сочетались с высокими потолками и антикварной мебелью.

Довольно долго хозяйка не говорила ни слова. Просто сидела, подперев щеку ладонью, и смотрела в одну точку. Хотя даже по ее лицу было ясно, что в этой точке ничего нет.

— Пить не хочешь? — наконец спросила старушка.

— Нет, спасибо, — ответила Аомамэ.

— Там чай со льдом. Захочешь — наливай...

На раскладном столике у двери стояли кувшин с чаем и три стакана резного стекла, каждый — своего цвета.

— Благодарю, — кивнула Аомамэ. Но осталась сидеть, ожидая продолжения.

Однако хозяйка опять замолчала. Возможно, просто оттягивала момент, когда истина, высказанная вслух, окончательно превратится в реальность. Старушка перевела взгляд на рыбок в аквариуме. И, наконец решившись, посмотрела на Аомамэ в упор.

— О смерти собаки, охранявшей приют, Тамару тебе уже рассказал?

— Да, я слышала.

— Дикая, непостижимая смерть... — Хозяйка поджала губы. — А теперь еще и малышка Цубаса пропала.

У Аомамэ вытянулось лицо:

— Как пропала?!

— Исчезла куда-то. Кажется, прямо среди ночи. Утром ее никто уже не видел.

Кусая губы, Аомамэ пыталась что-нибудь сказать. Но подходящих слов на ум не приходило.

— Но... Ведь вы говорили, что девочку не оставляют одну! — воскликнула она. — И что в ее комнате всегда ночует еще кто-нибудь для надежности.

— Да, но странное дело: этой ночью женщина, которая с ней оставалась, уснула так крепко, что вообще ничего не слышала. Утром проснулась, а постель Цубасы пуста.

— Значит, ребенок пропал на следующую ночь после гибели пса? — уточнила Аомамэ.

Хозяйка кивнула:

— Пока не знаю, есть ли здесь какая-то связь... Но так и чудится, в этом есть что-то общее.

Блуждающий взгляд Аомамэ задержался на золотых рыбках. Хозяйка перехватила его и посмотрела туда же. Две рыбки, едва заметно шевеля плавниками, не спеша перемещались туда-сюда по стеклянному водоему. Лучи летнего солнца так чудно преломлялись в воде, что невольно казалось, будто подглядываешь за жизнью на дне океана.

— Этих золотых рыбок я купила для Цубасы, — объяснила хозяйка. — Здесь, в Адзабу, проходил праздник улицы, я вывела девочку погулять. Все-таки долго сидеть в четырех стенах вредно для здоровья. Тамару, конечно, всю дорогу был с нами. Вот там в одном магазинчике и купила рыбок, а заодно и аквариум. Уж очень они ей понравились. Когда поставила у нее в комнате, она целый день на них глядела, не отрываясь. А сегодня, когда малышка пропала, я забрала аквариум сюда. Тоже весь день гляжу и не могу отвести глаз. Ничего больше не делаю — просто сижу и смотрю. Как ни странно, это занятие никогда не надоедает. До сих пор не пробовала так долго и пристально разглядывать аквариумных рыб.

— Но куда же девочка могла уйти? — спросила Аомамэ. — У вас есть догадки?

— Ни малейших,— ответила хозяйка.— В ее жизни нет родных, у которых можно укрыться. Насколько я знаю, идти в этом мире ей совершенно некуда.

— А может, кто-то увел ее насильно? Об этом вы не думаете?

Хозяйка качнула головой — нервно и коротко, словно отгоняя назойливого комара.

— Нет, это исключено. Увести ее насильно никто не мог. Случись такое, проснулся бы весь приют. Кто-кто, а эти женщины спят всегда очень чутко. Я думаю, Цубаса ушла по собственной воле. На цыпочках, чтобы никто не услышал, спустилась по лестнице, тихонько отперла дверь и ушла. Как раз это я могу представить легко. Пройди она к воротам мимо сторожевого пса, тот и тявкнуть бы не посмел. Хотя собака умерла прошлой ночью. А девочка даже не переделась. Хотя одежда была для нее приготовлена и сложена прямо у постели, она так и ушла в пижаме. И денег с собой не взяла...

Аомамэ еще больше нахмурилась:

— Одна? В пижаме?

— Именно,— кивнула хозяйка.— Куда может отправиться ночью десятилетний ребенок — один, в пижаме, без денег? Да это просто немыслимо! Но я не считаю, будто произошла какая-то аномалия. Наоборот, нечто подобное *должно было* случиться рано или поздно. Вот почему я даже не пытаюсь разыскивать бедное дитя. А только сижу и разглядываю рыбок.— Хозяйка бросила взгляд на аквариум, затем снова обратила его к Аомамэ:— Просто я уже понимаю: искать ее бесполезно. Она теперь там, куда нам не дотянуться...

Сказав так, старушка отняла руку от подбородка и выдохнула — так протяжно, словно сбрасывала все напряжение, что накопилось в душе. И бессильно уронила руку на колено.

— Но зачем ей было уходить? — удивилась Аомамэ.— Все-таки в приюте она под защитой, да и податься больше некуда...

— Зачем — не знаю. Но уверена, что гибель собаки сыграла роковую роль. Оказавшись здесь, малышка сразу полюбила этого пса, и тот сильно к девочке привязался. Они дружили неразлейвода. От его страшной, необъяснимой гибели девочку словно подменили. Да что там — все взрослые обитательницы приюта до сих пор в шоке! Но все-таки очень похоже, что убийство собаки — сигнал именно для малышки Цубасы.

— Сигнал? — подняла брови Аомамэ.— Какой же?

— «Ты не должна здесь находиться. Мы знаем, где ты. Уходи отсюда. Иначе с теми, кто тебя окружает, случится что-нибудь еще страшнее».

Пальцы хозяйки мерно постукивали по колену, словно отсчитывая секунды. Не говоря ни слова, Аомамэ ждала продолжения.

— Скорее всего, девочка поняла, о чем ее предупреждают, и решила уйти сама. Против собственного желания. Прекрасно понимая, что идти больше некуда. Но не уйти нельзя. Как представлю, что у бедняжки в голове творилось, просто с ума схожу... Чтобы десятилетний ребенок сам принял *такое* решение?..

Аомамэ захотелось протянуть руки и сжать хозяйкины пальцы в своих. Но она сдержалась: разговор еще не закончен.

— Что говорить, — продолжала хозяйка, — для меня это страшный удар. Будто отрубили часть тела. Я ведь уже готовила документы на удочерение. Собиралась официально воспитать ее как родного ребенка. Понимала, что это не просто. Что если малышка так и не сможет прийти в себя, жаловаться будет некому. Но именно по-

этому еще сильнее хотела попробовать. Хотя, если честно, здоровье в мои годы уже не то...

— Но вдруг она скоро вернется? — предположила Аомамэ.— Денег у нее нет, идти некуда...

— Хотелось бы верить,— бесстрастно проговорила хозяйка.— Но скорее всего, этому не бывать. Кто в десять лет решил уйти куда глаза глядят, как правило, не возвращается.

Извинившись, Аомамэ встала, подошла к столику, взяла бирюзовый стакан из резного стекла, налила себе холодного чаю. Пить совсем не хотелось. Просто нужен небольшой тайм-аут. Вернувшись и сев на диван, она отхлебнула чаю и поставила стакан на стол.

— На этом разговор о Цубасе закончим,— объявила хозяйка. И, словно подводя черту под темой беседы, распрямила спину и сцепила руки на коленях.— Поговорим об «Авангарде» и его Лидере. Я расскажу тебе все, что узнала. Это главное, ради чего ты сегодня здесь. В итоге ты сама поймешь, как и что здесь связано с малышкой Цубасой.

Аомамэ кивнула. Именно это она и ожидала услышать.

— Как я уже говорила, Лидера необходимо переправить в мир иной во что бы то ни стало. Это человеческое отродье постоянно насилует десятилетних девочек. Для него это *ритуал*. Девочки еще и понятия не имеют о менструациях. Для оправдания своих мерзостей он использует изобретенные им же самим религию и оккультную секту. О секте я постаралась узнать как можно подробнее. Поручила расследование нужным людям, оплатила их работу. Должна заметить, на это потребовалось куда больше усилий, чем я себе представляла. И гораздо больше денег. Но в итоге я смогла-таки вычислить всех четы-

рех девочек, которых изуродовал этот мерзавец. Четвертой была малышка Цубаса.

Аомамэ взяла стакан, сделала еще глоток. Но вкуса чая не поняла. Ее рот словно набили ватой, которая не давала языку разобрать, что есть что.

— Детали пока неизвестны, — продолжала хозяйка, — но по меньшей мере две девочки из четырех по-прежнему живут в секте. Говорят, они — особы, приближенные к Лидеру, вроде жриц. Обычным членам секты увидеть их не дано. По своей воле они играют эти роли или просто не могут сбежать — пока неясно. Как и то, продолжает ли спать с ними Лидер. Но как бы там ни было, обе живут с этим чудовищем под одной крышей. Жилище Лидера изолировано от посторонних, ни один простой член секты не может к нему даже приблизиться. Что там творится — сплошная тайна не только для внешнего мира, но и для большинства сектантов.

Резной стакан совсем запотел. Хозяйка выдержала паузу и, глубоко вздохнув, продолжала:

— Впрочем, один факт известен наверняка. Самой первой из четырех жертв Лидера стала его собственная дочь.

Аомамэ перекорезило. Мышцы лица разъехались в стороны. Она пыталась что-то сказать, но слова застревали в горле, и голос не слушался.

— Да, — подтвердила хозяйка. — Считается, что именно родную дочь он изнасиловал прежде всех остальных. Семь лет назад, когда девочке только исполнилось десять.

Сняв трубку интеркома, хозяйка попросила Тамару принести бутылку хереса и два бокала. Женщины помолчали — каждая о своем. Вскоре открылась дверь, и Тама-

ру вкатил тележку с только что откупоренной бутылкой вина и парой хрустальных бокалов благородной огранки. Ловким движением пальцев, словно откручивая голову пойманной птице, вывернул из бутылки пробку и со звонким журчаньем разлил вино. Хозяйка кивнула, Тамару отвесил легкий поклон и тут же вышел. Как всегда, без единого слова — и абсолютно бесшумно.

Дело не только в собаке, догадалась Аомамэ. Исчезновение ребенка (к тому же чуть ли не самого близкого существа для мадам) — вот что уязвило Тамару до глубины души. Само собой, обвинять его в этом напрямую нельзя. Все-таки он — наемный работник и, если только нет особых поручений, каждый вечер возвращается домой, где занимается своими делами и спит. И гибель собаки, и пропажа Цубасы случились ночью, когда Тамару здесь не было, и защитить их в это время он никак не мог. Тем более, что его прямая обязанность — обеспечивать безопасность «Плакучей виллы» и лично ее хозяйки. Для охраны любых объектов снаружи, включая приют, у него просто не хватит рук. И все же, и все же... Сам Тамару был убежден, что оба происшествия — результат его недосмотра, а этого он простить себе не мог.

— Итак,— сказала хозяйка,— ты готова покончить с этим отродьем?

— Готова,— уверенно ответила Аомамэ.

— Это очень непростая работа,— продолжала хозяйка.— Хотя простой работы я тебе никогда не поручала. И все же это задание *особенной* сложности. Я со своей стороны предоставлю тебе все, что смогу. Насколько удастся обеспечить твою безопасность, пока не знаю. Но сейчас тебе придется рисковать гораздо больше, чем обычно.

— Понимаю.

— Очень не хочется подвергать тебя риску. Но если честно, ничего другого просто не остается.

— Ну что вы,— сказала Аомамэ.— Я сама не смогу жить спокойно, пока такие твари разгуливают по земле.

Хозяйка взяла со стола бокал, пригубила вина. И снова уставилась на рыбок в аквариуме.

— С давних пор обожаю херес жарким летом после обеда,— призналась она.— Холодные напитки в зной не люблю. А хереса выпью — расслабляюсь и засыпаю. Незаметно так. И когда открываю глаза, вокруг уже не жарко. Когда-нибудь, наверно, так и умру. Жарким днем выпью хереса — и сама не замечу, как засну, чтобы уже не проснуться.

Аомамэ тоже взяла свой бокал, отхлебнула совсем чуть-чуть. Вообще-то она никогда не любила херес. Но сейчас и правда захотелось чего-нибудь выпить. Херес, в отличие от чая, оказался очень конкретного вкуса. Алкоголем словно прошло язык насквозь.

— Скажи честно,— попросила хозяйка.— Боишься смерти?

Почти не задумываясь, Аомамэ покачала головой.

— Да нет, не особенно. В сравнении с тем, как я жила до сих пор, разница небольшая...

Хозяйка чуть заметно улыбнулась. Похоже, к ней возвращалась прежняя бодрость. Взгляд стал мягким, губы ожили. То ли ее так возбудила беседа с Аомамэ, то ли вино разогнало кровь по жилам, бог знает.

— Но ведь у тебя есть любимый человек?

— Да... Но вероятность нашей встречи слишком близка к нулю. А если я умру, этот ноль станет абсолютом.

Старушка прищурилась:

— То есть *ты считаешь*, что вы с ним вряд ли пересечетесь. У тебя есть какие-то причины так думать?

— Причин особых нет, — пожала плечами Аомамэ. — Кроме, пожалуй, той, что я — это я.

— И ты со своей стороны не прилагаешь никаких усилий, чтобы это случилось?

Аомамэ покачала головой:

— Для меня главное — то, что он мне нужен, и очень сильно.

Несколько секунд хозяйка с интересом изучала лицо Аомамэ.

— А ты категорична, — сказала она.

— Пришлось стать, — парировала Аомамэ. И чисто для виду пригубила из бокала. — Не то чтобы очень хотелось...

Тишина затопила гостиную. Белые лилии задумчиво свесили головы, и только рыбки все шевелили плавниками в преломленном свете аквариума.

— Я могу устроить так, чтобы ты встретилась с Лидером один на один, — сказала хозяйка. — Это будет не просто и займет какое-то время, но в итоге я все организую. От тебя потребуются сделать *то же, что и всегда*. Однако после того, как все закончится, тебе придется исчезнуть. Сделать пластическую операцию. Уволиться с нынешней работы и уехать очень далеко. Сменить имя. В общем, бросить все, что у тебя сейчас есть, и стать другим человеком. За работу, само собой, ты получишь вознаграждение. Обо всем остальном позабочусь я. У тебя нет возражений?

— Я уже говорила: мне терять нечего, — ответила Аомамэ. — Работа, имя, нынешняя жизнь в Токио — все это для меня уже не имеет смысла. Так что возражений нет.

— Даже не против, если тебе поменяют лицо?

— А что, можно сделать его симпатичнее?

— Если захочешь — можно, — серьезно сказала хозяйка. — Разумеется, лишь до определенной степени, но с учетом всех твоих пожеланий.

— Тогда бы и грудь переделать...

— Хорошая мысль, — согласилась хозяйка. — Для маскировки и это важно.

— Шучу, — вздохнула Аомамэ. — Грудь у меня, конечно, не ахти какая, но пускай остается как есть. И носить не тяжело, и новых лифчиков покупать не придется.

— Ну, этим добром я тебя обеспечу в любых количествах.

— Я опять пошутила, — призналась Аомамэ.

— Прости, — слабо улыбнулась хозяйка. — Слишком редко ты шутишь, я пока не привыкла...

— В общем, против пластической операции я не возражаю.

— Тебе придется порвать со всеми друзьями.

— У меня нет тех, кого я назвала бы друзьями, — сказала Аомамэ.

И тут же вспомнила об Аюми. Если я вдруг исчезну, подумала она, возможно, Аюми почувствует, что ее бросили. А может, и предали. Но у этой дружбы с самого начала не было будущего. Аомамэ ступила на опасную дорожку, сойдясь так тесно с женщиной-полицейским.

— У меня было двое детей, — сказала хозяйка. — Сын и дочь на три года младше. Дочь умерла. Покончила с собой, я тебе рассказывала. У нее детей не было. С сыном у меня отношения не сложились, мы почти не общаемся. Моих внуков — трех его детей — я не видела уже очень давно. Тем не менее, когда я умру, большинство моего состояния унаследуют сын и внуки. Почти автоматически. В наши дни завещание уже не имеет такой силы, как раньше. И все же пока у меня есть свободные день-

ги, которыми я распоряжаюсь как хочу. Солидную часть их я собираюсь передать тебе, когда ты выполнишь эту работу. Пойми правильно, я вовсе не желаю тебя покупать. Я просто хочу сказать, что отношусь к тебе как к родной дочери. И мне правда жаль, что на самом деле это не так...

Аомамэ смотрела на хозяйку, не говоря ни слова. Будто о чем-то вспомнив, та поставила на стол бокал с хересом. Обернулась, полюбовалась на соблазнительные бутоны белых лилий. Вдохнула их призывный аромат — и снова повернулась к Аомамэ.

— Да, я хотела воспитать малышку Цубасу как дочь. Но в итоге потеряла ее. И помочь бедняжке ничем не смогла. Я просто сидела сложа руки и смотрела, как она уходит в ночную мглу. А теперь еще и тебя посылаю туда, где опасность на каждом шагу... Если б ты знала, как мне этого не хочется! Но к сожалению, никаких других способов достичь цели не осталось. Сама я теперь способна только на вознаграждение.

Аомамэ слушала, не говоря ни слова. Когда хозяйка умолкла, за стеклянной дверью прошебетала какая-то птица. Выдала длинную трель и тут же куда-то пропала.

— Этого человека необходимо *ликвидировать* любой ценой,— сказала Аомамэ.— Вот что сейчас главное. И я чрезвычайно благодарна вам за то, что вы настолько меня цените. Как вы знаете, я в детстве ушла от матери с отцом. А если точнее, они забыли обо мне еще раньше. Пробиралась по жизни без родительской опеки. И заточила свое сердце на выживание в одиночестве. Это было очень нелегко. Часто я казалась себе каким-то ошметком человека. Бессмысленным, грязным ошметком... Поэтому за то, что вы сейчас говорите обо мне, огромное вам спасибо. Хотя менять привычки уже поздно. Однако

у малышки Цубасы ситуация совсем не такая. Я уверена, девочку еще можно спасти. Не стоит отказываться от нее так легко. Не теряйте надежды — и верните ее во что бы то ни стало.

Хозяйка кивнула:

— Кажется, я наговорила лишнего. Конечно же, я не отказываюсь от малышки. И постараюсь сделать все возможное, чтобы вернуть ее. Просто, как ты и сама видишь, я слишком устала. После того как я не смогла ей помочь, из меня будто ушла вся энергия. Нужно время, чтобы восстановиться. Хотя, может, я уже слишком стара? И сколько ни жди, силы не вернутся?

Аомамэ поднялась с дивана, подошла к хозяйкиному креслу и присела на подставку для ног. А потом взяла узкие, изящные ладони старушки в свои и крепко пожала.

— Вы невероятно сильная женщина,— сказала Аомамэ.— Вы способны преодолевать любые невзгоды лучше кого бы то ни было. Просто вы пережили шок и очень устали. Сейчас вам лучше поспать. А когда откроете глаза, вы обязательно вернетесь к себе настоящей.

— Спасибо,— отозвалась хозяйка. И стиснула пальцы в ответном пожатии.— Наверное, мне и правда лучше уснуть.

— Тогда я, наверно, пойду,— сказала Аомамэ.— Буду ждать от вас сообщений, а пока соберусь в дорогу. Надеюсь, много вещей не потребуется?

— Собирайся так, чтобы ехать налегке. Всем, что понадобится, я сразу тебя обеспечу.

Аомамэ отняла пальцы от хозяйкиных ладоней и встала.

— Отдыхайте,— пожелала она вместо прощания.— Все обязательно будет хорошо.

Хозяйка кивнула. А потом откинулась в кресле и закрыла глаза. Аомамэ бросила последний взгляд на рыбок в аквариуме, вдохнула аромат лилий и вышла из гостиной с высокими потолками.

У выхода ее ждал Тамару. На часах было пять, но солнце висело еще высоко и палило все так же нещадно. Идеально начищенные туфли Тамару сверкали на этом солнце, как зеркала. Редкие летние облака, словно избегая приближаться к разбушевавшемуся светилу, опасливо жались по краям неба. Хотя «сливовым дождям» полагалось длиться еще неделю-другую, вот уже несколько дней стояла жара, скорее свойственная середине лета, чем его началу. По всему саду в кронах деревьев стрекотали цикады. Совсем негромко, будто стесняясь. Но достаточно внятно, чтобы Аомамэ восприняла это как знак. Мир продолжал вертеться в том же порядке, какой царил до сих пор. Цикады стрекочут, летние облака бегут по небу, на ботинках Тамару — ни пылинки, ни пятнышка. Но именно это вдруг показалось Аомамэ необычным. Сам факт того, что мир продолжает вертеться как ни в чем не бывало, словно говорил ей: что-то не так.

— Послушайте, Тамару, — сказала Аомамэ. — Можно с вами поболтать? Есть минутка?

— Можно, — ответил Тамару, ничуть не меняясь в лице. — Время есть. Убивать время — составная часть моей работы.

Сказав так, он опустился в садовое кресло у выхода. Аомамэ пристроилась на соседнем. Они сидели в прохладной тени от крыши здания и вдыхали аромат свежей травы.

— Вот и лето в разгаре, — сказал Тамару.

— Уже и цикады поют, — согласилась Аомамэ.